

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Научная статья
УДК 811'23'37
DOI 10.18101/2686-7095-2026-1-3-13

ЛИНГВОКОГНИТИВНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ КОНЦЕПТА «РАЗНООБРАЗИЕ» / 多样性 В РУССКОЙ И КИТАЙСКОЙ КАРТИНАХ МИРА

© **Максимова Лариса Николаевна**

доктор социологических наук, доцент,
Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена
Россия, 191186, г. Санкт-Петербург, Набережная реки Мойки, 48
larisa-maximova@yandex.ru

Аннотация. Тема проведенного исследования актуальна в связи с возрастающим научным интересом к методам сравнительной концептологии и когнитивной лингвистики. С одной стороны, они позволяют выявить и систематизировать фундаментальные различия и сходства в структурах сознания, отраженных в языке. С другой стороны, существует практическая необходимость достижения глубокого взаимопонимания между русской и китайской культурами. Изучение базового концепта «разнообразие»/多样性 позволяет выявить фундаментальные различия в восприятии мира, что критически важно для эффективной межкультурной коммуникации. Материал: данные лексикографических источников (авторитетные толковые словари и корпусные данные русского и китайского языков), текстовых употреблений в русском и китайском языках, паремиологический фонд, отрывки из произведений русской и китайской литературы, репрезентирующие оценочные и образные характеристики концепта. Методы: лингвокогнитивный анализ, реконструкция ядра и периферии компонентов концепта, сравнительно-сопоставительный и контекстуальный анализ, анализ лексикографических данных, паремиологического фонда и фразеологии. Результаты: лингвокогнитивное моделирование концепта позволило выявить универсальные и культурно-специфические особенности концепта в русской и китайской языковых картинах мира. В китайской картине мира концепт «多样性» вписан в парадигму гармоничного единства противоположностей (инь-ян) и воспринимается как естественное, структурированное и необходимое условие целостности мироздания.

Ключевые слова: концепт «разнообразие»/多样性, сопоставительная лингвокультурология, лингвокогнитивное моделирование, языковая картина мира, культурно-национальная специфика, аксиологический компонент, паремиологический фонд.

Для цитирования

Максимова Л. Н. Лингвокогнитивное моделирование концепта «разнообразие» / 多样性 в русской и китайской картинах мира // Вестник Бурятского государственного университета. Филология. 2026. Вып. 1. С. 3–13.

Введение

Лингвокогнитивное своеобразие концепта «разнообразие» / 多样性 вызывает интерес лингвистов и привлекает их внимание в связи со значительными культурно обусловленными различиями в его репрезентации и интерпретации. Это является критически важным для межъязыкового перевода, межкультурной коммуникации и сравнительных исследований языковых картин мира России и Китая. Крупнейшие цивилизационные державы с многовековой историей предлагают уникальные модели осмысления множественности и единства. Однако в научной литературе отсутствует комплексное исследование образных и ценностных компонентов концепта «разнообразие»/多样性 в двух сопоставляемых лингвокультурах с учетом ядерных и периферийных признаков.

Цель статьи — описать, проанализировать и сопоставить культурно обусловленные лингвокогнитивные структуры концепта «разнообразие»/多样性.

В качестве методов в работе применены лингвокогнитивный анализ, реконструкция ядра, периферии и компонентов концепта, сопоставительный и контекстуальный анализ, анализ лексикографических данных, паремиологического фонда и фразеологии.

Результаты и дискуссии

Ядро концепта формируется наиболее устойчивыми, частотными и общепризнанными в лингвокультуре смыслами, которые непосредственно возникают в сознании носителя при произнесении ключевого слова. Анализ проводится на уровне лексикографии, словообразования и базовых семантических признаков.

Приведем определения слова «разнообразие» из авторитетных толковых академических словарей русского языка, отражающих историческую и семантическую эволюцию концепта. В Толковом словаре живого великорусского языка В. И. Даля найдено определение — РАЗНООБРАЗІЕ ср. разнообразность ж. свойство или состояние разнообразного; разность, разница, несходство, противоположность однообразию; разновидность, видоизменение, перемена вида. Разнообразие занятий полезно. Как отмечает лексикограф, ядро этого концепта связано с идеей разности как меры отличия и прямой оппозицией понятию «однообразие», а также тесно переплетено с категорией «разновидность» [3, с. 37].

В толковом словаре С. И. Ожегова «разнообразие» определяется как отсутствие однообразия, наличие несходных, неповторяющихся различающихся элементов в чем-либо и приводится разговорное выражение «для разнообразия» [8, с. 665]. Такая трактовка добавляет признак «неоднородность», сдвигая акцент с количественного состава на качественное различие.

В Малом академическом словаре русского языка к подобной трактовке добавляется трактовка — множество, совокупность разных, несходных предметов, явлений. Предлагается большой выбор, целое р. тканей. Это значение определяет «разнообразие» как синоним «множества», которое обязательно обозначается («разных, несходных») [10, с. 691].

В современном академическом словаре, а именно Большом толковом словаре русского языка под редакцией С. А. Кузнецова, приводится следующее определение: РАЗНООБРАЗІЕ, -я; ср. Множество, обилие чего-л. несходного, различного, отличающегося друг от друга; отсутствие однообразия в чем-л. Р. деятельности.

Р. жизни. Р. плодово-ягодных деревьев и кустарников. Какое р. красок! Для разнообразия (для смены впечатлений, для внесения изменения, перемены во что-л. однообразное). Наличие несходных, различающихся между собой предметов, явлений; многовидовой состав чего-л. Разнообразие красок. Разнообразие мнений. Флора отличается большим разнообразием. Разнообразность — это отсутствие монотонности. Внести разнообразие в беседу. Скучать от однообразия, жаждать разнообразия

[2, с. 1090]. Таким образом, ключевые признаки: наличие различий, многовидовой состав, противопоставление монотонности.

В философском контексте «разнообразие» представлено как фундаментальная онтологическая, гносеологическая и системно-научная категория, которая рассматривается как динамичный источник развития, условие устойчивости сложного целого и этический плюрализм, трактуя исследуемый концепт как ценность. [7, с. 924].

Концепт 多样性 (разнообразие) в словарях современного китайского языка определяется как 多种多样的性质 (свойство или состояние многообразия, многообразности; наличие множества видов). Определение дается через тавтологическое усиление базового понятия. Ключевая формула 多种多样 — «много видов и много типов» — является стандартным идиоматическим выражением для обозначения «разнообразного», это определение системное, безоценочное [11; 14].

В Большом китайско-русском словаре, который был опечатан в Шанхайском лексикографическом издательстве в 12 томах, дефиниция для 多样性 (разнообразие) отсутствует. Однако приводится прилагательное 多样, которое обозначает множество видов, типов или форм чего-либо. Оно служит основой для более сложных терминов, таких как 多样性 (разнообразие как абстрактное существительное) и 多样化 (диверсификация как процесс или свойство). Синоним 样式 («стиль, модель, форма») эксплицирует идею разнообразия как набора внешних типологизируемых форм или паттернов. Акцент сделан на визуально и концептуально различимых категориях. Приведем примеры предложений: Виды растений, образующих небольшую экосистему, разнообразны; Компания выпустила разнообразную продукцию, чтобы удовлетворить потребности разных клиентов; Его интересы очень разнообразны — от живописи до программирования [1, с. 146].

На сайте онлайн-словаря¹, созданного компанией Baidu как универсальный и авторитетный онлайн-инструмент для глубокого изучения и понимания любого аспекта китайского языка: от значения отдельного иероглифа до употребления сложных идиом, 多样性 (разнообразие) рассматривается как свойство предметов/явлений иметь множество форм. Более естественные и частотные варианты перевода на русский язык — это свойство предметов принимать многообразные формы; свойство, присущее вещам, — иметь множество форм; (это) природа вещей — быть многообразными.

Словарь Синьхуа, базовый и самый распространенный словарь-справочник, фокусирующийся на иероглифах, поясняет, что 多样性 (разнообразие) — это «форма, вид, разновидность», так как ключевая морфема 样 в составе «多样性»

¹ Онлайн-словарь. URL: <http://hanyu.baidu.com> (дата обращения: 25.12.2025).

означает форму и вид/кате­го­рию [9]. Это сви­де­тель­ствует о таксо­но­ми­че­ской при­ро­де кон­цеп­та: раз­но­об­ра­зие — это раз­но­об­ра­зие по фор­маль­ным клас­си­фи­ци­руе­мым при­зна­кам. Это под­твер­жда­ется кон­тек­сту­аль­ным ана­ли­зом ма­те­ри­ала на он­лайн-плат­форме¹ <https://oversea.cnki.net>, где пре­дос­та­влен дос­туп к со­вре­мен­ным ака­де­ми­че­ским ре­сур­сам Ки­тая. Про­ве­ден­ный ана­лиз по­ка­зал, как кон­цепт 多样性 упо­тре­бля­ется в со­вре­мен­ных на­уч­ных ста­тьях. Бы­ли най­де­ны сле­ду­ю­щие сло­во­со­че­та­ния, де­мон­стри­ру­ю­щие упо­тре­бле­ние кон­цеп­та в ака­де­ми­че­ском кон­тек­сте с уче­том его таксо­но­ми­че­ской при­ро­ды: biodiversity in allergic diseases, species diversity characteristics, functional diversity, urban park diversity, animal diversity, plant diversity, biodiversity finance development, insect diversity survey, cultural diversity. Это под­твер­ждает, что кон­цепт ис­поль­зу­ется для обо­зна­че­ния важ­но­го свой­ства сло­ж­ных си­сте­м.

Свод­ный ана­лиз се­ман­ти­че­ско­го ядра кон­цеп­та «раз­но­об­ра­зие»/ 多样性 в рос­сий­ской и ки­тай­ской кар­ти­нах ми­ра по­ка­зы­ва­ет, что его рус­ское ядро ис­хо­дит из идеи це­ло­го, под­вер­гше­го­ся раз­де­ле­нию. Ки­тай­ское ядро «多样性 ис­хо­дит из идеи на­ли­чия мно­же­ства из­на­чаль­но раз­лич­ных клас­си­фи­ка­ци­он­ных еди­ниц. Раз­но­об­ра­зие — это ис­ход­ное си­сте­мное свой­ство со­во­куп­но­сти, а не ре­зуль­тат ее транс­фор­ма­ции. Та­ким об­ра­зом, рус­ский кон­цепт ди­на­ми­чен и ге­не­ти­чен, дви­гаясь от еди­нства к мно­же­ству, ки­тай­ский — ста­ти­чен и таксо­но­ми­чен (кон­ста­та­ция со­ста­ва). Фо­кус вос­при­я­тия кон­цеп­та в рус­ской кар­тине ми­ра скон­цен­три­ро­ван на не­по­сред­ствен­ном пере­жи­ва­нии раз­личия. Ключе­вые при­зна­ки — «пе­стро­та», «не­од­но­род­ность», «нес­ход­ство» — апел­ли­ру­ют к чув­ствен­но­му и эмо­ци­о­наль­но­му опы­ту на­блю­да­те­ля. Раз­но­об­ра­зие ощу­ща­ется как кон­тра­ст, бо­гат­ство впе­чат­ле­ний, спасе­ние от ску­ки.

В ки­тай­ской кар­тине ми­ра основ­ной фо­кус вос­при­я­тия кон­цеп­та 多样性 на­прав­лен на от­не­се­ние эле­мен­тов к ка­те­го­ри­ям. Ключе­вой при­знак — на­ли­чие раз­ных ви­дов (样). Ак­цент сде­лан не на эмо­ци­о­наль­ном вос­при­я­тии «раз­но­сти», а на ин­тел­лек­ту­аль­ной опе­ра­ции рас­позна­ва­ния и клас­си­фи­ка­ции. Раз­но­об­ра­зие ана­ли­зи­ру­ется как на­бор дис­крет­ных еди­ниц в си­сте­ме. В свя­зи с этим рус­ское ядро фе­но­ме­но­ло­гично т. е. важ­но ощу­ще­ние, ки­тай­ское — но­ми­на­тив­но, т. е. важ­но на­звать и упо­ря­до­чить, по­сле­до­ва­тель­но рас­смот­реть. Та­ким об­ра­зом, ядер­ная струк­ту­ра кон­цеп­та «раз­но­об­ра­зие» в рус­ской кар­тине ми­ра ак­цен­ти­ру­ет вни­ма­ние на непо­хо­же­сти и чув­ствен­ном опы­те раз­личий, а в ки­тай­ской кар­тине ми­ра — на клас­си­фи­ка­ции и си­сте­мной при­ро­де раз­личий, где каж­дый эле­мент име­ет свое ме­сто в ие­ра­рхии.

В рус­ской струк­ту­ре ядра кон­цеп­та раз­лич­ные эле­мен­ты мы­слят­ся как со­во­куп­ность, со­вмес­тно дан­ная в вос­при­я­тии. Их свя­зь в ядре кон­тек­сту­аль­на и си­туа­тив­на («в са­ду», «в мнени­ях»). Це­ло­ст­ность не яв­ля­ется обя­за­тель­ным су­щес­т­вен­ным при­зна­ком. Раз­лич­ные эле­мен­ты в ки­тай­ской струк­ту­ре мы­слят­ся как ча­сти си­сте­мы, об­ла­да­ю­щей свой­ством раз­но­об­ра­зия (性). Са­ма мор­фе­ма 性 ука­зы­ва­ет на не­отъ­ем­ле­мый атри­бут це­ло­го. Раз­но­об­ра­зие не­воз­мож­но без вне­си­сте­мной со­

¹ Он­лайн-плат­форма — ака­де­ми­че­ская ба­за дан­ных Ки­тая. URL: <https://oversea.cnki.net> (да­та об­ра­ще­ния: 25.12.2025).

отнесенности элементов, для русского сознания разнообразие может быть хаотичным «сборищем» разного, для китайского менталитета это упорядоченная характеристика системы.

Ценностный ориентир русского восприятия изучаемого концепта определяется через антонимическую оппозицию «разнообразие vs. однообразие». Однообразие — главный враг, обозначающий скуку, рутину, духовную смерть. Поэтому уже в ядре заложен слабый позитивный заряд как антитеза скуке. Китайский ценностный вектор определяется через скрытую оппозицию «допустимое разнообразие vs. хаос». Поскольку ядро нейтрально, его ценность условна. Она проявится лишь на периферии, в зависимости от того, ведет ли это разнообразие к гармонии или беспорядку. Главный страх — не скука, а потеря управляемого единства. Русское ядро заряжено пафосом освобождения от одинаковости. Китайское ядро настроено на тщательный и осторожный учет различий в рамках сохранения порядка. Семантические признаки ядра концепта разнообразие / 多样性» представлены в таблице.

	Русская картина мира	Китайская картина мира
Семантические признаки ядра	1. Наличие несходных элементов. 2. Чувственно воспринимаемая неоднородность (зрительная, вкусовая: пестрый, разносол). 3. Противопоставление монотонному единству.	1. Наличие множества классифицируемых видов. 2. Системная упорядоченность множества. 3. Единство, состоящее из различных предустановленных элементов.

Ядерный анализ демонстрирует, что концепты «разнообразие» и 多样性 не являются лингвистическими эквивалентами, а представляют собой разные когнитивные инструменты для работы с множественностью. Русский концепт предстает как инструмент для выражения динамики, чувства и экзистенциального выбора. Он отражает диалектическую модель мира, где единство и множественность находятся в состоянии вечного напряжения и борьбы. Его сфера — философия, искусство, политическая полемика, личный опыт. Китайский концепт — это инструмент для системного анализа, классификации и управления. Он отражает иерархическую модель мира, где множественность должна быть описана, учтена и вписана в более высокие уровни порядка. Его сфера — государственное управление, наука, социальная инженерия, стратегическое планирование.

Далее мы обратились к культурно-ценностным доминантам и коннотациям концепта «разнообразие» в русской и китайской картинах мира, т. к. культурно-ценностная периферия раскрывает, как базовое значение концепта наполняется оценочными смыслами, нормами и стратегиями использования в общественном дискурсе.

Для китайской лингвокультуры характерны гармоничное единство, гармония в иерархизированном гармоничном порядке. Еще Конфуций сформулировал ключевую формулу гармонии как высшей ценности 而不同和 — быть гармоничным, но не одинаковым. Цзы сказал: «Благородный муж стремится к гармонии, но не

следует за другими, малый человек следует за другими, но не стремится к гармонии» [5, с. 20]. Разнообразие не просто допускается, оно является необходимым условием для достижения высшей гармонии, которая есть динамическое равновесие разных сил (Инь-Ян). Однако разнообразие должно укладываться в универсальный космический и социальный порядок. Беспорядочное смещение осуждается. Идеал — сад или ландшафтная картина, где каждый элемент (камень, дерево, вода) занимает строго отведенное место, создавая совершенную композицию. Разнообразие (多样性) не является самодостаточной ценностью. Его легитимность и позитивная оценка зависят от способности быть интегрированным в высшую ценность — социальную и космическую гармонию. Благородный муж стремится вверх, маленький человек стремится вниз (Конфуций).

Неодинаковость, различие прямо провозглашаются необходимым условием истинной гармонии в противовес примитивному единообразию. Этот этический императив широко используется в официальной риторике современного политического дискурса Китая для описания межнациональных и международных отношений. Например, в Белой книге о национальной политике Китая и совместном процветании всех национальностей «Совместное строительство сообщества единой судьбы человечества: инициативы и действия Китая» подчеркивается принцип 各民族和而不同 («все национальности гармоничны, но не одинаковы»), что легитимизирует признание различий в строго заданных рамках государственного единства [13, с. 235].

Неинтегрированное, неуправляемое разнообразие воспринимается как угроза стабильности и единству, то есть как хаос. В историческом и политическом нарративе периоды раздробленности (например, 三国时期 «Эпоха Троецарствия») называются «смутное время». Таким образом, разнообразие вне контроля центральной власти — смута.

Разнообразие этнических групп вписывается в модель «Паттерн плюралистического единства китайской нации» — теорию, выдвинутую социологом Ф. Сяотунем. Эта теория обобщает исторический опыт формирования китайской нации и служит теоретической основой для решения национальных вопросов в современном Китае. Она подчеркивает равноправие, единство, взаимопомощь и гармонию между всеми этническими группами, которые в результате долгого исторического процесса смогли сохранить свои особенности, одновременно образуя единое целое. Таким образом, многоэлементность как этническое разнообразие должна быть подчинена единому организму в виде государственно-цивилизационной общности. Культурно-ценностная периферия как базовое значение ядра концепта «разнообразие» (多样性) раскрывается в ценностном континууме «единство»: (一体) — гармония в многообразии, (和而不同) — упорядоченное, гармоничное разнообразие, (多样性) — опасное разнообразие, т. к. изолированный и самодостаточный «元», противопоставленный целому, воспринимается как угроза гармонии, а значит, и существованию системы (без единства) — хаос (乱). Ценность концепта всегда условна и инструментальна.

Русская культура демонстрирует глубокую амбивалентность по отношению к разнообразию. С одной стороны, в разнообразии наблюдается позитивный аспект: разнообразие как жизнь, свобода и творчество, как спасение от скуки (богатство

красок, форм, мыслей, духовная свобода, антитеза любому диктату, принудительной унификации). Это связано с архетипом «воля» в широком смысле и восходит к эстетике изобилия, щедрости природы. В негативных интерпретациях концепт «разнообразия» воспринимается как угроза и хаос, наблюдается угроза единству: «разношерстная компания» (неодобр.), «разброд и шатание» (политический дискурс). Различие порождает конфликт, разрушает целостность. Неуправляемое разнообразие ведет к потере смысла и ориентиров (вавилонское столпотворение).

Чрезмерное разнообразие может маркироваться как «нерусское», инородное, нарушающее гомогенность «народа». Русское восприятие концепта «разнообразия» часто проходит через призму оппозиции «свой — чужой». Это создает потенциал как для ксенофобии, так и для «всечеловечности» [4]. В работах Ю. М. Лотмана и Б. А. Успенского о бинарной модели русской культуры, в которой «чужое» может восприниматься как враждебное, но может и ритуально инкорпорироваться, становясь «своим». Разнообразие, приходящее извне, всегда проверяется на этой границе [6]. Позитивная оценка разнообразия часто возникает не из любви к системности, как в китайской картине мира, а как протест против навязываемого, искусственного, скучного порядка.

В рассказе А. П. Чехова «Человек в футляре» образ Беликова — символ панического страха перед любым разнообразием и отклонением от шаблона, «казенного единообразия». Победа над таким «футляром» ассоциируется с жизнью во всем ее разнообразии. Идеи соборности А. С. Хомякова [15] и всеединства В. С. Соловьева [12] предлагают модель единства, не подавляющую разнообразие, а сохраняющую его в свободном согласии. Однако эта модель остается скорее идеалом, подчеркивающим сложность проблемы.

Таким образом, ценностное поле концепта в русской картине мира поляризовано, т. к. разнообразие — это одновременно жизнь vs. мертвое однообразие, хаос vs. спасительный порядок, свобода самовыражения, мысли и угроза целостности, идентичности, богатство культуры, природы и источник раздоров. Это не последовательность, как в китайской модели, а постоянное смысловое колебание, делающее русский дискурс чрезвычайно эмоциональным, а иногда конфликтным.

Паремиологический фонд русского и китайского языков также демонстрирует культурные установки. Русские поговорки транслируют амбивалентность и чувственно-прагматическое восприятие разнообразия.

1. Позитивный полюс: разнообразие как жизнь, богатство, польза

Всякое лыко в строку — ключевая поговорка. Любая, даже малая и разная, деталь (лыко — полоска коры) может пригодиться в общем деле (в строку — в связку, в работу). Разнородность — практический ресурс.

Признание законности разных подходов, точек зрения, привязанностей проявляется в поговорках «Всяк мастер на свой лад / Всяк кулик свое болото хвалит». Единство не в одинаковости, а в том, что у каждого свой «лад» или «болото».

Классическая формула, легитимизирующая субъективность и разнообразие предпочтений как непреложный факт, отражена в поговорке «На вкус и цвет товарища нет», поэтому попытки навязать единый вкус бессмысленны.

Динамический аналог «разнообразия» просматривается в поговорке «В перемене — жизнь», т. к. однообразие равносильно застою и смерти.

2. Негативный полюс: разнообразие как угроза, хаос, источник конфликта

Пословица «В семье не без урода» указывает на то, что нежелательное разнообразие (уродство — в прямом и переносном смысле) неизбежно в любой общности. Это факт, который приходится терпеть.

В пословице «Семь пятниц на неделе» (у кого-либо) идет речь о непостоянном человеке, его мнения и решения меняются слишком часто. Здесь разнообразие во времени оценивается резко отрицательно как непринципиальность и ненадежность.

Устойчивый фразеологизм, означающий разброд, отсутствие единства действий из-за разнонаправленности интересов, мы встречаем в пословице «Лебедь, щука и рак» (из басни И. Крылова). Разнообразие характеров и целей ведет к краху общего дела.

Синоним неразберихи, хаотичных, несогласованных действий в коллективе наблюдается в пословице «Кто в лес, кто по дрова», поскольку разнообразие действий оценивается как дезорганизация.

3. Нейтрально-констатирующие

Констатация культурного разнообразия как данности без яркой оценки показана в высказывании «Всяк народ своим обычаем берет».

Аналогично признание территориального и культурного многообразия в пословице «Что город, то нор, что деревня, то обычай».

Анализ русских поговорок показал, что разнообразие — это сила и богатство, когда оно практически полезно или признается как естественное право («на вкус и цвет»). Оно становится злом и опасностью, когда ведет к распаду общего действия («лебедь, рак да щука»), непостоянству («семь пятниц») или пороку («урод в семье»). Оценка полностью зависит от контекста и последствий.

Китайские фразеологизмы (чэньюй) и пословицы отражают принцип «гармонии в упорядоченном разнообразии» и страх перед хаосом.

1. Позитивный полюс: гармоничное и плодотворное разнообразие

Пусть расцветают сто цветов, пусть соперничают сто школ — подчеркивается, что разнообразие мнений ведет к общему процветанию. Ключевое условие: это происходит в рамках общей цели (развития культуры, мысли) и под контролем «садовника» (государства).

Море принимает в себя сто рек — демонстрирует идеал терпимости и величия. Разнообразие в виде ста рек не угрожает целому (морю), а обогащает и увеличивает его. Но море диктует правила — соленость, уровень, реки в него впадают.

Стремиться к общему, сохраняя различия — транслирует необходимость поиска точек соприкосновения при сохранении различий. Разнообразие можно и нужно сохранять, но только после и ради нахождения объединяющей основы. Порядок действий жесткий: сначала «ищем общее», потом «сохраняем разное».

Дословный перевод фразы 八仙过海, 各显神通 — во время переправы через море каждый из 8 небожителей показал свое чудесное волшебство, создает позитивный образ соревновательного разнообразия талантов для достижения общей цели (переправы). Вот уж действительно каждый проявляет способности по-своему.

2. Негативный полюс: беспорядочное, хаотичное смешение

Рыбы и драконы перемешаны — резко негативный чэньюй о ситуации, где хорошее (драконы) и плохое (рыбы), высокое и низкое беспорядочно смешаны, их

невозможно отличить. Это худший вид разнообразия — отсутствие иерархии и порядка.

Оценочное слово для хаоса, где разнородные элементы представляют собой грязное месиво, 乱七八糟 — неряшливый, беспорядок, полная неразбериха, каша. Употребляется с неодобрением 杂七杂八 — разнородный, всякий, пестрый (в беспорядке), несет негативный оттенок.

Выражение «Каждый устремляется к своей собственной перспективе, разбегаясь в разные стороны» может иметь позитивный оттенок (каждый ищет свой путь), но часто означает распад группы, утрату общего вектора из-за разнонаправленных интересов (аналог «кто в лес, кто по дрова»).

3. Нейтрально-философские и констатирующие высказывания

Формула 同). . 大同小异 «большое сходство при малых различиях» идеальна с точки зрения традиции как формула соотношения единства и разнообразия. Разнообразие допустимо, но лишь в мелких, несущественных деталях, в то время как в главном должно быть единство.

形形色色 — «разнообразнейший, всевозможный, всякий» — констатация многообразия форм (形) и цветов (色), близко к русской «пестроте», но без сильной эмоциональной окраски.

Анализ китайских фразеологизмов показал, что разнообразие получает условно положительную оценку только в одной модели: «сто цветов, расцветающих в общем саду». Во всех остальных случаях оно должно быть упорядочено, классифицировано, иерархизировано, чтобы не было «смешения рыб и драконов», вторично по отношению к единству (ищем общее, сохраняем разное), его ценность инструментальна — ради достижения общей цели (восемь бессмертных переправляются).

Заключение

Лингвокогнитивное моделирование и анализ концепта в русской и китайской картинах мира «разнообразия» / 多样性 позволяют сделать вывод о разном генезисе ценности: в русской культуре ценность разнообразия часто инструментальна и реактивна, это средство против скуки, подавления, монотонности. В китайской культуре она системна и онтологична: это необходимое условие существования гармоничного миропорядка. Русское сознание видит в неуправляемом разнообразии прямую угрозу, граничащую с хаосом. Китайское сознание опасается не разнообразия, а беспорядка, т. к. нарушаются иерархические связи. Хаос — это не избыток различий, а отсутствие структуры для их соотнесения.

Идеальная модель в русском дискурсе — «единство в многообразии» с сохранением напряжения между полюсами. В китайском дискурсе идеальная модель — многообразие в единстве, где разнообразие изначально подчинено и включено во всеобъемлющее, заранее заданное единство.

Русская паремиология отражает борьбу и выбор между созидательной силой разнообразия и его разрушительным потенциалом. Китайская паремиология отражает поиск алгоритма для безопасного и полезного включения разнообразия в иерархическую систему, где главная цель — избежать хаотичного смешения. Первая живет в парадигме диалектики, вторая — в парадигме управления.

В дальнейшем исследовании предполагается провести триангуляционный анализ с привлечением западноевропейской (например, англоязычной с концептом *diversity*) или другой восточной (например, японской) картины мира. Это позволит выделить универсальное, общеевропейское и уникально-национальное в русской и китайской концептуализациях.

Литература

1. Большой китайско-русский словарь: в 12 томах / под редакцией И. М. Ошанина; Ин-т востоковедения АН СССР, Хуадун шуйли сюэюань. Шанхай: Шанхай цышу чубаньшэ, 1983. Т. 4. С. 146.
2. Большой толковый словарь русского языка / составитель, главный редактор С. А. Кузнецов. Санкт-Петербург: Норинт, 1998. 1534 с.
3. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 томах. 2-е изд., испр. и знач. доп. Санкт-Петербург; Москва: Изд-во книгопродавца-типогр. М. О. Вольфа, 1882. Т. 4. Р–V. С. 37.
4. Достоевский Ф. М. Дневник писателя. 1880. Август. Гл. II. Речь о Пушкине // Полное собрание сочинений: в 30 томах. Ленинград: Наука, 1984. Т. 26. С. 129–148.
5. Конфуцианское «Четверокнижие» («Сы шу») / перевод с китайского и комментарии А. И. Кобзева, А. Е. Лукьянова, Л. С. Переломова, П. С. Попова при участии В. М. Майорова; вступительная статья Л. С. Переломова; Ин-т Дальнего Востока. Москва: Восточная литература, 2004. 431 с. (Китайский классический канон в русских переводах: осн. в 1998 г.).
6. Лотман Ю. М., Успенский Б. А. К проблеме типологии культуры // Избранные труды Ю. М. Лотмана. Таллинн, 1993. Т. 3. С. 9–24.
7. Новейший философский словарь / составитель и главный редактор А. А. Грицанов. 3-е изд., испр. Минск: Книжный дом, 2003. 1279 с.
8. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. 4-е изд., доп. Москва: Азбуковник, 1999. 944 с.
9. Синьхуа цыдянь [Словарь «Синьхуа»] / Чжунго шэхуй кэсюэюань, Юйянь яньцзюсо; главный редактор Цзян Ланьшэн. 12-е изд. Пекин: Шаньу иньшугуань, 2020. 1275 с.
10. Словарь русского языка: в 4 томах / РАН, Ин-т лингвист. исследований; под редакцией А. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. Москва: Русский язык, 1983. Т. 3. П–Р. 752 с.
11. Современный китайский словарь / Ин-т языкознания Акад. обществ. наук КНР; главные редакторы Люй Шусян, Дин Шугуан. 7-е изд. Пекин: Шану иньшугуань, 2016. 1790 с.
12. Соловьев В. С. Чтения о Богочеловечестве // Сочинения: в 2 томах. Москва: Мысль, 1988. Т. 2. С. 5–171.
13. Ставров И. В. «Мы — единый народ»: «белые книги» как инструмент пропаганды национального единства в КНР // Российско-китайские исследования. 2022. Т. 6, № 4. С. 231–240.
14. Словарь современного китайского языка / главные редакторы Лу Шусян, Дин Шугуан. 7-е изд. Пекин: Шаньу иньшугуань, 2016. 1790 с.
15. Хомяков А. С. Сочинения: в 2 томах / редактор Е. В. Харитонова. Москва: Медиум, 1994.

Статья поступила в редакцию 10.01.2026; одобрена после рецензирования 11.02.2026; принята к публикации 20.02.2026.

LINGUO-COGNITIVE MODELING OF THE CONCEPT DIVERSITY / 多样性
IN THE RUSSIA AND CHINESE WORLDVIEWS

Larisa N. Maksimova

Dr. Sci. (Sociol.), A/Prof.

Gertsen Russian State Pedagogical University

48 Naberezhnaya reki Moyki, 191186 Saint Petersburg, Russia

larisa-maximova@yandex.ru

Abstract. The topic of the study is relevant due to the growing scholarly interest in the methods of comparative conceptology and cognitive linguistics. On the one hand, these approaches make it possible to identify and systematize fundamental differences and similarities in the structures of consciousness as reflected in language. On the other hand, there is a practical need to achieve deeper mutual understanding between the Russian and Chinese cultures. The study of the core concept *diversity* / 多样性 makes it possible to reveal fundamental differences in the perception of from lexicographic sources (authoritative explanatory dictionaries and corpus data from the Russian and Chinese languages), examples of textual usage in Russian and Chinese, the paremiological corpus (proverbs and sayings), and excerpts from works of Russian Chinese literature representing the evaluative and figurative characteristics of the concept. Methods: linguo-cognitive analysis; reconstruction of the core and peripheral components of the concept; comparative and contrastive analysis; contextual analysis; and analysis of lexicographic data, the paremiological corpus, and phraseology. Results: Linguo-cognitive modeling of the concept made it possible to identify both universal and culture-specific features of the concept in the Russian and Chinese linguistic worldviews.

In the Chinese worldview, the concept 多样性 (*diversity*) is embedded within the paradigm of the harmonious unity of opposites (yin-yang) and is perceived as a natural, structured, and necessary condition for the integrity of the universe.

Keywords: the concept diversity / 多样性, comparative linguocultural studies, linguo-cognitive modeling, linguistic worldview, cultural and national specificity, axiological component, paremiological corpus.

For citation

Maksimova L. N. Linguo-Cognitive Modeling of the Concept Diversity / 多样性 in the Russian and Chinese Worldview. *Bullet of Buryat State University. Philology.* 2026; 1: 3–13 (in Russ).

The article was submitted 10.01.2026, approved after reviewing 11.02.2026; accepted for publication 20.02.2026.